

*В канун Новогодний негоже роптать.
Вовсе не важно, вина – чья конкретно.
Школьникам старшим тот вечер эффектно
Волшебница-ель помогла скоротать.*

Александр Савельев

В тот памятный зимний денёк в конце декабря 10-й «А» отпустили пораньше – какого-то предмета не было. Но через некоторое время несколько учеников этого класса должны были вернуться обратно, чтобы выполнить творческое поручение: украсить к Новому году школьный актовый зал и нарядить ёлку. Из числа желающих принять участие в этом предпраздничном мероприятии была выбрана компания старшеклассников из шести человек.

Расходясь по домам, ребята договорились встретиться перед возвращением в школу у одного из них – Мишки, живущего неподалёку от уважаемого учреждения и у которого они наметили встречать грядущий Новый год (с согласия его родителей, уезжающих на праздник к родственникам). В преддверии веселого торжества приятелями были уже закуплены кое-какие продукты... и даже несколько бутылок вина!

Забежав домой, ученик Васельев бросил у письменного стола школьную папку с тетрадками и учебниками, попутно включил (подсоединённую к радиоле «Ригонда» на круглых деревянных ножках) магнитофонную приставку «Нота» с установленной кассетой-катушкой записей дисков группы «The Monkees» и поставил подогреваться на плиту обед, оставленный мамой. Быстро перекусив и с удовольствием, в очередной раз, послушав милую музыку этого замечательного ансамбля, меломан прихватил с собой кассеты с записями групп «Creedence Clearwater Revival» и «The Mamas & The Papas», которые ребята просили принести к Новогодней вечеринке, и спешно отправился на встречу.

Когда он вошёл в квартиру Мишки, все уже были на месте, в ожидании негромко прослушивая записи очаровательных песен «The Beatles» из диска «Please Please Me». Собрались было уже идти в школу, как кто-то из ребят вдруг предложил попробовать закупленного вина... Никого долго уговаривать не пришлось. Друзья налили и продегустировали (под пророческое «Misery») по бокалу жидкости янтарного цвета – был какой-то стандартный, по тем временам, портвейн, – после чего всем коллективом направились в школу. Праздничное предвкушение каникул и предстоящее совместное мероприятие определяли их приподнятое настроение, а этакий скрытный, заговорщический характер дегустации

создавал особый интерес, добавляя в молодую кровь адреналина, как принято говорить сегодня...

По возвращении дегустаторов в школу, оказалось, что актёрский зал ещё занят – проводилась какая-то репетиция с участием младших классов. Приятели присели на кушетку в коридоре перед раздевалкой, не зная, что ёлку еще не привезли, и стали ожидать окончания репетиции малышней, оживлённо переговариваясь, смеясь и шутя...

В этот момент в коридоре, со стороны лестницы, появилась директор – строгая, волевая женщина средних лет. Подойдя к их компании, она подозвала к себе Месенова и заговорила с ним о его слабой успеваемости по каким-то предметам... Внезапно, оборвав себя на полуслове, суровая дама повернулась к сидящим и безапелляционно отчеканила металлическим голосом: «Вы все пьяны, сейчас же пройдите ко мне в кабинет!». Сама же отошла к учителям начальных классов, которые увлеченно беседовали неподалёку, обсуждая какие-то свои вопросы...

Огоршённым данным поворотом событий и испуганным предстоящим разбирательством, старшеклассники в растерянности побрели в кабинет властелины их обители знаний, расположенный в другом конце коридора.

Подойдя к кабинету, остановились у двери. Здесь один из них – Аликчук – отделился от группы, в панике прошмыгнув дальше в зал рекреации и, как потом выяснилось, открыв окно, выпрыгнул (с первого этажа) на улицу. Покинув здание, что называется, по-английски, беглец надеялся, что его присутствие в легкомысленной компании не отложилось в сознании директора – о, как он ошибался! Остальные прошли в кабинет с задёрнутыми шторами, погружённый в полумрак наступающего зловещего зимнего вечера...

Судорожно соображая, что бы предпринять для нейтрализации возможного винного запаха, Васельев выгащил щепотку табачных крошек, скопившихся в уголке кармана, где он прятал пачку сигарет, и сунул в рот, пытаясь жевать. Мишка заметил сие действие, но не разобрал, что именно жуёт товарищ, и попросил дать и ему, подразумевая, наверное, что-то съедобное; быстро закинул полученные крошки себе в рот, после чего, ощутив противную горечь (будучи к тому же некурящим), тут же сморщился, с трудом сдерживая накатившие слёзы и шёпотом чертыхаясь...

Следом в кабинет вошла директор, включила свет, прошла к окну и уселась за большой представительный стол, молча указав ученикам на ряд стульев, стоявших вдоль стены. Ребята тоже сели.

– Ну что, будем признаваться или заператься? – прозвучала знаменитая фраза в очередном исполнении. Все молчали. Далее последовал вопрос касательно исчезнувшего Аликчука и пространная тирада о злостном наказании, ожидающем беглеца. Оказалось, что за ним в милиции уже числился грешок за какое-то прошлое деяние по старому месту учебы, откуда злоумышленник был переведён в их школу с начала текущего учебного года (и о чём сам он никогда не распространялся). Затем последовал допрос каждого из присутствующих о недавнем употреблении им спиртных напитков, который не дал ожидаемого директором результата – никто так и не пожелал сознаться в содеянном преступлении.

Тогда, сменив тактику, умудрённая опытом педагог взяла трубку телефона, покрутила пальцем диск циферблата и, выдержав достаточную паузу, произнесла:

– Милиция? Это вас беспокоит директор школы № ... У меня вдрызг напились старшеклассники, – заметив недоумение на их лицах, она с подчёркнутым нажимом повторила: – Да-да, – **вдрызг** пьяные! Приезжайте... уже сейчас вышлете машину? Очень хорошо, жду.

В этот момент, постучавшись, в кабинет вошла Нона Алексеевна, преподаватель химии и завуч старших классов.

– О, вы очень кстати, Нона Алексеевна, проходите, пожалуйста, садитесь. Что вы можете сказать нам о состоянии ваших учеников, присутствующих здесь? – обратилась директор к вошедшему педагогу и, полуобернувшись к ребятам, добавила: – Видите, я специально ничего не подсказываю... Нона Алексеевна сама сейчас определит ваш диагноз.

Усевшись на стул напротив, завуч, будучи человеком незлобным, несколько поверхностным, в какой-то мере простодушным и далеко не прозорливым, с интересом взглянула на группу сидящих старшеклассников, но не ухватила мысль директора и спросила:

– Натворили что-то, нахулиганили?

– Надеюсь, пока ещё нет... Но посмотрите на них внимательнее, Нона Алексеевна. Ну, разве вы ничего не замечаете? – уже с раздражением и нажимом произнесла начальница.

Поёрзав на стуле и перебегая глазами от одного ученика к другому, завуч неуверенно протянула в раздумье:

– Ну-у, что-то не пойму... Подрались, что ли? Вроде синяков, ссадин и царапин не видать...

Васельев злорадно подумал, что степень опьянения их компании с оценкой «вдрызг» была чрезвычайно преувеличена директором минуту назад, если «родной» завуч не может определить даже сам факт употребления спиртного. В то же время надо было отдать должное внимательности и опыту директрисы: она каким-то образом заметила-таки в их внешности или поведении что-то необычное... Скорее всего, сначала уловила запах при разговоре с Месеном по поводу его «хвостов» (будь они неладны вместе с ним), а затем уж, наверное, более внимательно присмотрелась к остальным. Да и Аликчук своим побегом, по-видимому, только подтвердил её подозрения.

– Ну как же так, Нона Алексеевна, – прервала его размышления директор, теряя терпение, – ну присмотритесь же, пожалуйста, получше ещё раз к их лицам. Неужели вы ничего не замечаете? Я вовсе не подсказываю, – адресовала она последнюю реплику подозреваемым, – Нона Алексеевна, ну неужто вы не видите эти нетрезвые глаза?

И тут, просяив от прозрения, завуч наконец-то поняла, чего ждёт от неё руководитель, и выпалила:

– Выпили, что ли?

– Вот... вот! – торжествуя воскликнула директор. – Я абсолютно ничего не подсказывала, Нона Алексеевна сама... определила ваше состояние!

«Смех и грех», – подумалось Васельеву, хотя ему с компанией в тот момент было далеко не смешно: данное происшествие могло быть раздуто в скандал, грозящий различными неприятностями с нервотрепкой и привлечением родителей, вплоть до испорченных выпускных характеристик (что, в общем-то, и предопределило их упорное нежелание сознаваться в нелепом проступке)...

– Это мы сейчас быстренько узнаем, выясним, – воодушевилась завуч, – а то я никак не могла понять, о чём вы меня спрашиваете... Месенов, быстро отвечай: почему ты выпил? – обратилась она к сидящему поблизости подозреваемому.

– Да что вы, Нона Алексеевна, я не пил. Когда с тренировки по борьбе приходил поздно вечером, моя мама тоже иногда думала, что я – выпимши, («Это, наверное, когда в Мишкином подъезде в «буру» (карточная игра) под пиво играли», – промелькнула догадка в голове Васельева), а я просто был усталый, и глаза слипались, – отпираясь, нёс околесицу Месен.

Завуч озадаченно посмотрела на допрашиваемого «борца», потом приблизила своё наострившееся лицо к его удивлённо-невинной физиономии и потребовала:

– Ну-ка, дыхни!

Директор брезгливо отвернулась, но не остановила дознавательский эксперимент коллеги. Месен откашлялся, как певец перед выступлени-

ем, и, недолго думая, дыкнул прямо в нос завуча, кончик которого судорожно затрепетал, задёргался и замер. Замерли и все, кто находился в кабинете. Через секунду новоиспечённая дегустаторша запахов уверенно изрекла:

– Нет, не пил! Точно не пил! У меня нюх, как у этого... э-э... – чуть замешкалась она, подыскивая подходящее сравнение, – как у кролика!

Осталось загадкой, почему было отдано предпочтение обонянию кролика. Вероятно, сравнение с собачьим педагогу показалось чем-то недостойным... оскорбительным. Тем не менее, обсуждая потом данное происшествие, они так и не смогли понять: либо это Месен исхитрился как-то так удачно дыкнуть, либо Нона Алексеевна (слава актёрскому искусству!) так тонко подыграла, пытаясь выгородить своих нерадивых подопечных...

Вердикт завуча совершенно не удовлетворил директора, и она в раздражении быстро отпустила коллегу, после чего ещё раз провела с каждым из присутствующих допрос с пристрастием: то всячески угрожая... то заманивая и уговаривая, что ещё не поздно сознаться, пока не подъехала милицейская «кутузка», которая заберёт всех не сознавшихся... Но всё было тщетно, никто так и не признался (дураков в классе «А» не было).

И тут по воле случая, или счастливому стечению обстоятельств, звонил телефон. Сняв трубку, директор долго с кем-то разговаривала, в результате чего стало понятно, что какой-то заказ для школы выполнен и находится на складе, но нет машины для его доставки. Закончив разговор, женщина опустила трубку и задумалась. Прошло несколько минут в тягостной тишине, нарушаемой только постукиванием её ногтей о гладкую крышку стола и неприличным бурчанием в животе у Мишки (наверное, от желчной реакции на табачные крошки... а может, – от волнения...).

– Хорошо, – наконец промолвила директор уже изменившимся тоном. – Вы всё-таки ребята неплохие, сознаёте свою вину, хотя и не желаете сейчас в этом признаться; и мне кажется, вы сможете её искупить... своим трудом. Надеюсь, впредь себе такого не позволите... А Аликчук будет в наказание исключен из школы!

При этом она взяла телефонную трубку и, покрутив пальцем циферблат аппарата, через некоторое время произнесла:

– Милиция? Это вас опять директор школы № ... беспокоит. Да, это я вызывала... Не сможете сейчас приехать потому, что все сотрудники находятся на важных оперативных заданиях? Но я отменяю вызов... Да, решил вопрос... всё нормально... инцидент исчерпан, виновные уже сурово наказаны...

Закончив разговор с трубкой, преобразившаяся дама повернулась к несостоявшимся арестантам и, забыв уже о «тяжелейшей» стадии их опынения, произнесла:

– А сейчас, малышки, надо потрудиться для родной школы. Дело в том, что на складе Коптева находится ёлка, которую должны были привезти к нам, но внезапно сломалась машина. Так что вам поручается доставить ёлку сюда. Вас пятеро, ребята крепкие, справитесь!

Естественно, они были безмерно рады такому выходу из сложившейся ситуации. Записав адрес склада и прочую информацию для получения ёлки, компания поспешила удалиться.

По прошествии без пяти лет полувека многое уже стёрлось из памяти, но запомнилось, что штрафникам пришлось пешком тащить натуральную ёлку (искусственных тогда ещё не было) высотой под шесть метров со склада коптевского клуба им. Петра Алексеева до самой школы, находящейся от него километрах в пяти.

Тихо кружась, мягко падал пушистый снег... В школу они пришли поздно вечером, но задание выполнили и потом ещё долго вспоминали об этом случае.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Аликчука действительно исключили из школы дней на 7–10, но после определённых переговоров его родителей с директрисой беглец был восстановлен (характеристика выпускника у него оказалась даже лучше, чем у других участников этого происшествия).

Апрель 2015 г.